

Кафедра

В. Л. Каганский

Каганский Владимир Леопольдович (Москва, Россия) — кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института географии РАН; Email: kaganskyw@mail.ru

ПОСТМОДЕРН. ЛАНДШАФТ. РОССИЯ

Констатация вступления в новую большую культурную эпоху — постмодерн (не путать с постмодернизмом). Представление о культурном статусе ландшафта в эпохи модерна и постмодерна. Характеристика изменения места ландшафта в культуре и его растущей ценности; длинный перечень симптомов новой тенденции. Представление о новой морфологии нового ландшафта. Сюжет «ландшафт постмодерна» для ландшафта России.

Ключевые слова: большинство, культурный ландшафт, ландшафт, меньшинство, модерн, полисеть, постмодерн, постмодернизм, пространство, Россия, сеть, форма ландшафта, эпоха.

V.L. Kagansky

Vladimir Leonidovich Kagansky (Moscow, Russia) – PhD in Geographical Sciences, Senior Scientific Associate of the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences; Email: kaganskyw@mail.ru

LANDSCAPE. RUSSIA. POST-MODERNITY

The author ascertains entering in a new large cultural epoch – post-modernity (no to be confused with post-modernism); presents his understanding of the cultural status of a landscape in the epochs of modernity and post-modernity; characterizes the change of a landscape's role in the culture and its growing importance, and shows a long list of symptoms of a new trend. The paper demonstrates the vision of a new morphology of a new landscape and the “post-modernity landscape” image for the Russian landscape.

Keywords: cultural landscape, landscape, modern, post-modernity, post-modernism, Russia, form of landscape, epoch.

Два главных события современности

Моя уже довольно долгая жизнь — только научным трудам более сорока лет — вмещается в **два крупнейших исторических события**. Два события, и они, верно, взаимосвязаны.

Но как же мне удалось их обнаружить — вернее: осознать? Мой способ работы с любым доступным мне (как исследователю и эксперту) феноменом основан, прежде всего (но не исключительно), на «входе» в его пространство и представление феномена пространственно, точнее — ландшафтно¹; в сфере своих исследований и размышлений я работаю, прежде всего, как пространствовед/ланд-

1. Культурный ландшафт: 1) обитаемое пространство поверхности Земли, 2) сопряженные природные и культурные компоненты, 3) единство пространственных тел, форм, функций и смыслов; 4) освоен утилитарно, ценностно и символически, 5) среда полноценной телесной, душевной и духовной (т.е. общественной и государственной) жизни сообществ, 6) сформирован деятельностью людей на природной основе, но не сводим к её антропогенной трансформации, 7) закономерная пространственная структура, 8) во многом предопределяет размещение, хозяйственное и культурное состояние и функции природных комплексов и нагрузки на них, 9) органичная рамка для работы с экологическими ситуациями, 10) «чтение» культуры по ландшафту — См.: Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. — М.: НЛО, 2001; Исследование российского культурного ландшафта как целого и некоторые его результаты // <http://www.culturalresearch.ru/ru/archives/76-2011geography>. 2011. Культурная география.

шафтовед. После такого рода пространственной интерпретации/реконструкции мне удастся «ухватить» или хотя бы заметить сам феномен, само явление, и потом его описать, проанализировать etc. Подобным образом мне удавалось работать с довольно разными образованиями — наукой и системой научных дисциплин (пространством науки), логикой собирательных систем (районирование пространства), классификационным поведением (следование логике районирования), советской системой (реконструкция логики советского пространства и его трансформации), экологическим кризисом и экологизмом (особые состояния и проявления ландшафта), современной российской культурой (состояние вмещающего ландшафта) etc. Ограничения несомненны, а эвристичность такого пути, может быть, станет яснее ниже.

Первое, очевидное событие — кризис, крах и распад крупнейшей за всю человеческую историю империи, крупнейшего искусственного сооружения (воплощенного именно как реализация явного проекта) — СССР — универсальной, планетарной по размеру, размаху, действиям, замыслу и последствиям державы. Мы все еще живем в мире рушащихся, распадающихся, разлагающихся, комбинирующихся, воссоединяющихся обломков этой конструкции — и это очень надолго².

Редко (говорю осторожно) крах советской империи, «Большого СССР», видится осуществлением знаменитого пророчества П.Я. Чаадаева. «Мы принадлежим к тем из них, которые как бы не входят составной частью в род человеческий, а существуют лишь для того, чтобы преподать великий урок миру» (Первое письмо). Так *может быть, урок-то дан...* Усвоен ли ...

Второе, пока неочевидное событие: наступление новой большой культурной эпохи — постмодерна³. Не следует ее путать и смешивать с постмодернизмом! — лишь стилем жизни, дискурсов, искусств, опережающе-заостренно маркирующим начало этой эпохи в культурном предчувствии и яркой карикатурности. Постмодернизм — иллюстрация известного эволюционного правила *филогенетического предварения признаков*, появления вначале опережающей эволюционной карикатуры на будущее явление, новый большой оригинальный таксон⁴.

Наша страна уже вступила в эру постмодерна⁵.

Связь же с «Закатом Европы» Шпенглера — тема особая.

Новое время: репрессированный ландшафт

В эпоху **модерна** — то есть в **Новое время** — ландшафт существовал довольно мощно, но в сугубо негативной модальности: он служил предметом, ресурсом, ограничением, преградой, препятствием творения освоенного цивилизованного пространства; *место ландшафта в культуре эпохи занимало пространство⁶*. Ландшафт был симптомом и вместилищем разрушаемой традиционности. Пространство как вместилище тел — будь то физических или социальных — триумф и примат количества над качеством, мир редукции форм к формулам; ландшафт же — скорее качественно-оформленное аристотелианское пространство⁷. *Ландшафт существовал в Новое время лишь подавляясь, уничтожаясь и трансформируясь*; иной модальности существования для ландшафта, иной культурной ниши для него не было. Культурный ландшафт в Новое время был культурно репресси-

2. См. указ. соч.

3. Козловски П. Культура постмодерна. Пер. с нем. — М.: Республика, 1997. - Но в книге мы нет ни слова о ландшафте и пространстве. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. — М., 2000.

4. <http://refdb.ru/look/1871396-p20.html>.

5. Каганский В.Л. Идеологемы российского несоветского пространства // Куда идет Россия? II. — М.: 1995, с. 471: «Использование любых идеологических концептов и их фрагментов, инструментальность априорно ценностно-фундированного, произвол комбинаций, склонность к инверсии символических позиций (инверсии ролей Центра и регионов и пр.) и мн. др. делают регионализм «идеологией» постмодерна. Впрочем, в мировых культурных координатах иначе и не определить хронотоп современной России».

6. Различение ландшафта и пространства. (См.: Каганский В.Л. Пространство в теоретической географии школы Б.Б. Родомана // Известия РАН, сер. Геогр. 2009, № 2).

7. Визгин В.П. Генезис и структура квалитативизма Аристотеля. — М.: Наука, 1982.

рован, унижен, изгнан на периферию культуры (ландшафтофорами, носителями самого феномена и смысла ландшафта, были архаичные архаизируемые мистифицируемые и даже отчасти демонируемые социальные группы — поместное дворянство и крестьянство). Там и тогда, где и когда экспансия цивилизации «недорабатывала» — существовал ландшафт. Ландшафт существовал как предмет сопротивления, смысловая лакуна, ощутимая (немногим) происходящая потеря.

Новое время как эпоха хорошо известна, ей было присуще пространство в терминологически точном смысле, вернее говоря, идеалом эпохи в этой сфере была полная переработка ландшафта в пространство — она не завершилась и не удалась. Если в Новое время и существовали элементы и фрагменты ландшафта, то они не имели нормального статуса культурной повседневности и занимали прямо противоположные по социальному и культурному статусу изолированные, оторванные друг от друга полюсы. *То были архаичные реликты* (отмирающая деревня и вообще традиционная сельская местность) *или специально сконструированные культурные презентации* (напр., парковые ансамбли); полноценная жизнь местных сообществ — это атрибут культурного ландшафта — там существовать и протекать не могла. Как феномен, как то, что само себя воспроизводит и являет, ландшафт не существовал; разумеется, это огрубление. О судьбе ландшафта в Новое время стоит подумать еще и еще, хотя бы и потому, что все учение о ландшафте (научная география и не только) — дитя именно этого времени, несмотря на свои древние, еще античные корни.

Разумеется, это и такое пространство было еще и на периферии Нового времени как эпохи временной, темпоральной. Бедность пространства (представлений о пространстве) и его периферийно-маргинальное положение — не две разных характеристики, но разные аспекты одной и той же.

О культурной матрице постмодерна

Напомню лишь некоторые общие места, существенные для избранного сюжета.

Постмодерн — отнюдь не только и не столько размывание и расплывание единого пространства культурных, поведенческих, социальных, методологических, проектных, эстетических etc норм, ценностей, культурных и иных институтов etc — **сколько смена парадигмы единой единственной нормы в любой ситуации на парадигму множественности норм** во всех названных ситуациях и аспектах; не распад единого общества на хаотически-соотнесенные группы — но *становление «общества частных сообществ»*. Научная рациональность и методология, институты общества (напр. брак), типы экономик, модели поведения, иерархия ценностей, жанровая определенность искусства и литературы и т.п. отнюдь не отменяются, не исчезают, не сменяются хаосом — что члится хулительно или восторженно атрибутом постмодернизма — замещаются **множественностью форм, норм, институтов etc**.

Культурная матрица постмодерна: ниша для ландшафта

Для культурного универсума постмодерна существование культурного ландшафта двусмысленно и даже амбивалентно. С одной стороны, постмодерн как большая культурная эпоха означает сосуществование всего того, что существовало прежде и вообще может существовать — в особых формах и модусах. Ландшафт вправе существовать в цивилизации постмодерна так же, как существуют в ней все иные феномены. Дело еще в том, что постмодерн — как представляется — не знает иерархии ценностей (но ценности знает!) и потому ландшафт — реальность первой величины, ничему «не подчиненная», не субординированная; что, однако, отнюдь не значит, что самодостаточная. Иное дело, что ландшафту «трудно» жить формами цитаты, аллюзии, игры, контаминации, произвольного совмещения со всем, что есть не-ландшафт — то есть «трудно» жить в расхоженном предваряющем образе постмодерна — **постмодернизме**, к каковому постмодерн ни в коей мере ни сводится; но и такая жизнь ландшафта не может не быть творчески-креативной и чрезвычайно выразительной.

Культурная, смысловая ниша для ландшафта в постмодерне есть хотя бы потому, что постмодерн — открытое и потенциально бесконечное множество мест и смысловых ниш и в нем есть ниши абсолютно для всего. Открытое, принципиально открытое пространство феноменов... *Существование ландшафта разрешено культурной матрицей постмодерна, но — и это существенно — никак ею не гарантировано: разрешенное негарантированное существование.*

С другой стороны, постмодерн — еще и **метамодерн**, его преодоление и снятие в философском смысле, реабилитирующий реальность, в том числе и реальность ландшафта. Но в реальности модерна ландшафта просто не было — там существовало пространство; вернее говоря, ландшафт мог существовать там исключительно как чужеродный фрагмент, как заток иных эпох и цивилизаций, как реликт, как особо сконструированный частный фрагмент, в целом не предназначенный для жизни как таковой. *Постмодерн — культурная реабилитация ландшафта*, ландшафта как такового, и значит — и ландшафта культурного. Ландшафт в постмодерне может существовать, ему дозволено существовать. Это — очень много...

По-видимому, ситуация ландшафта в этой эпохе парадоксальна. Экспансии в сферу ландшафта нет, разрушения и «переработки» ландшафта в пространство в целом нет; в определенном упрощении *постмодерн — это еще и постпространство*. (Однако и тут ловушка: постмодерн суть равноправие групп, а некоторые из них которых конституируют и конструируют именно демократически-формализованное институционально гомогенное пространство — тогда налицо сосуществование и ландшафта, и пространства; налицо и ландшафтофобные группы). Однако если уничтоженный ландшафт имеет потенциал, витальную силу возрождаться именно там и так, где он был, казалось бы совсем уничтожен, то тотальное безразличное безосновное перемешивание опаснее ландшафту. *Постмодерн — опасность для ландшафта.*

Но и тут все не так просто. Постмодерн санкционирует и даже предполагает **разнообразие**, *разнообразие абсолютно всего как ценность* — и это атрибут новой эпохи, ее смысл и стилеобразующее начало; может быть, эта ценность даже чрезмерна, поскольку ценности живут в системах ценностей, традиционной формой каковых является их иерархия, каковой нет (не будет?) в постмодерне. Но *ландшафт — такой феномен, что разнообразие — его атрибут*; культурный ландшафт невозможен без собственного разнообразия и для своего полноценного развертывания требует общественной и культурной среды и эпохи, где бы ценилось и требовалось именно разнообразие. Культурный ландшафт предполагает полиморфизм и гетерогенность ковра мест на земной поверхности, разнообразие мест любого рода, специфику и значимые различия самих масштабных уровней, диверсификацию и множественность существенных направлений etc.

Именно и только поэтому «советский ландшафт» — в своей унифицирующей эпохе и паракультуре — не мог быть полноценным ландшафтом; в жестком смысле советское пространство было лишено полноценного культурного ландшафта⁸. Иное дело, что немногочисленным небольшим группам для хотя бы относительно полноценной жизни нужно было выстраивать из фрагментов, растить свой культурный ландшафт. Одна из реальных практик и стратегий времени СССР — проживать части жизни в центрах старых городов (и непременно в собственно европейских городах, что были на территории СССР), в традиционной сельской местности (пусть и в руинах) и в достаточно сохранном природном ландшафте. Элитарный самодеятельный туризм — для него это было атрибутом — это не только (не столько?) эскапизм, сколько способ вмонтировать фрагменты полноценного ландшафта в жизнь, компенсируя антиландшафтную убогость советской пространственной повседневности. Аналогичное, хотя бы и более свободное выстраивание имело место везде в Новое время.

Ландшафт и постмодерн конгениальны. Постмодерн предполагает ценность разнообразия эпох, культур и субкультур; постмодерн не то, что означает стирание граней между культурой и субкультурой, он вообще запрещает проводить такое различие, поскольку запрещает (точнее — исключает) социальную, культурную и методологическую универсализацию единственной группы и значит — единственной позиции. Названное разнообразие, как и разнообразие, стилей, жанров,

8. См. сноску 1.

личностей, групп, организаций и типов организаций, социумов и социальных взаимодействий и институтов — но тогда постмодерн тем самым не просто предполагает, но требует и разнообразия мест, где и будут размещаться, разворачиваться, пребывать и жить все эти феномены. Тогда постмодерн отнюдь не просто терпимо-равнодушен к ландшафту, как нам показалось в начале. Постмодерн для развертывания своего цветущего разнообразия требует (скорее — потребует) огромного, невиданного разнообразия мест, требует именно ландшафта. Требует «много ландшафта» — но это будет **совсем иной во многих** (или даже во всех?) существенных отношениях **культурный ландшафт**; возможно, это будет нечто иное, нежели ландшафт — но это не будет и пространство.

Но если традиционное общество знало ландшафт и все его составляющие были так или иначе — хотя и в разной мере, с разной интенсивностью — укоренены в ландшафте, то наступающее общество постмодерна как раз в силу характера эпохи будет предельно разнообразным и разнородным именно в отношении ландшафта. Вместе с ландшафтофильными (топофилия), ландшафтоцентрированными группами будут (может быть, совмещаясь в одних и тех же местах) группы ландшафтофобные, аландшафтные (даже антиландшафтные), безместные, экстерриториальные... Трудно судить о соотношении тех и иных групп. Однако важно то, что интенсивно проживающие свою специфику и идентичность группы имеют тягу к территориальной совместности безотносительно их отношений с ландшафтом — и одной только этой совместностью жизни своего сообщества могут формировать собственные культурные ландшафты, хотя бы предельно экзотические; впрочем, в Кремниевой долине (Калифорния, США) ландшафт вполне полноценный в обычном смысле (частные сообщения экспертов).

Какой же именно ландшафт сформируется / формируется в новой эпохе? Атрибут «желанного и должного» ландшафта всех предшествующих эпох и стилей (до чего же неразработана не то что тема, но даже идея, постановка проблемы стиля культурного ландшафта) — его единство; модерн — опять-таки не как стиль, а как эпоха — отрицающий и репрессивный ландшафт и подменяющий и вытесняющий его пространством — и он требовал тотального единства своего пространства. «Отказ» от единства пространства — следствие и проекция «отказа» от единства общества; признание единства пространства немислимо без единого единственного общества. Ландшафт постмодерна обретает свободу от этого единства — и это, несомненно, для нас, чей вкусовой стиль сформирован предшествующей эпохой — утрата (или это лишь до тех пор, пока у нас не сменится смысловая и эстетическая оптика?): разве дурны ландшафты (тут есть различия с пейзажами, но сейчас оставим их за рамками) великолепных целостных старых городов (не новых — ни в безобразном безобразном фрагментарном Тольятти, ни в царственном и эстетически-великолепном едином Санкт-Петербурге (собственно городе) нет никакого ландшафта) или больших дворцово-парковых и просто парковых ансамблей... *Ландшафт новой эпохи будет полиморфен и полистилистичен*, а вот будет ли вкус (да и что будет в новой эпохе вкусом?) в тонком монтаже разностильных предметов, помещений, квартир, жилищ, домов, кварталов, городских и сельских урочищ — Бог весть...

Актуализация ценности ландшафта и ландшафта как ценности

Но дело не только в том, что отдельные места «обретут свободу», как и занимающие их группы / сообщества. Уже налицо, идут и усиливаются **новые значимые для ландшафта процессы**, совершенно реальные безотносительно оценок постмодерна, даже безотносительно самого признания эпохи. Налицо чрезвычайно значительный ряд новых важных тенденций (хотя они на первый взгляд во многом сами по себе безразличны к ландшафту), и они ведут к **актуализации ценности ландшафта и ландшафта как ценности**. Это, прежде всего (список трудно ранжировать, как и трудно было линеаризировать; дать же к нему библиографические ссылки невозможно просто из-за объема):

- типологический поворот в науке (и культуре!) последней трети XX века,
- становление общенаучного учения о многообразиях — диатропики;

- революция средств коммуникаций, раскрепляющая связи «жилье — работа» и предоставляющая большие возможности выбора мест для них;
- вторичная доместикация («одомашнивание») рабочих мест;
- рост требования к повседневной среде, ее полноценности, оформленности и осмысленности, разнообразию и креативности;
- бум горизонтально-сетевых социокультурных, технологических, экономических и т.п. структур — актуализация сложности ландшафтных и фазовых пространств;
- миниатюризация производства и бизнеса, его локализация;
- появление и осознание креативной экономики и креативных сообществ;
- резкий рост общего жизненного уровня населения;
- увеличение транспортной и финансовой доступности большей части Земли;
- резкая дифференциация избирательности населения к разным типам мест;
- (постепенное и неполное) понимание креативности как важнейшего атрибута и ресурса ландшафта;
- рост ценности и престижа здоровья и жизни в «здоровых местах»;
- рост престижа неутилитарного землевладения, требующего именно ландшафта; хотя каким-то персонам и группам потребен не-ландшафт и даже анти-ландшафт;
- нарастание полицентризма и поликультурности жителей Земли вне зависимости от признания глобализации и отношения к ней;
- творческое (?) преодоление европоцентризма;
- «мультикультурализм»,
- выход на культурную арену меньшинств,
- новые жанры средовых искусств, такие как land-art;
- рост гибких, зависящих от локальных условий технологий, чувствительных к «качеству места»;
- уяснение важности образовательной среды в образовании;
- осознание ландшафта как существенного компонента образовательной и воспитательной среды;
- уяснение нетривиальных не вещественных ресурсов ландшафтов — замещающие ресурсы, экосистемные / геосистемные услуги;
- становление ландшафтного планирования как компонента и атрибута планирования;
- появление концепта и практики «устойчивого развития»,
- рост объема и важности путешествий — и в обычно-массовом и в строгом смысле и их престижа;
- взрывной бум рост экологического / ландшафтного — туризма;
- диверсификация туризма;
- становление массового образовательного туризма;
- совершенствование технологий, делающих доступными все большее разнообразие мест;
- деколонизация и деимпериализация;
- осознание ландшафта как креативной среды;
- бум паломничества как жизненной и культурной практики;
- «культурное» и «экологическое паломничество»,
- экологический бум;
- исчезновение многих видов ландшафтов и их компонентов,
- стереотипизация массовых сред обитания,
- рост важности и размаха сети особо охраняемых природных территорий вплоть до единой мировой сети эконета (econet);
- феномен природного и культурного наследия и рост соответствующих территорий, охрана которого — актуализация и витализация — но парадоксально и музеефикация — определенных ландшафтов;

- визуализация культуры в самых разных формах, включая нарастание ценности визуализаций ландшафта;
- быстро растущие возможности IT-технологий работы с иконически-визуальными семиотическими средствами — презентациями ландшафта и пространства, включая полимасштабные карты, фото- и аэрокосмические снимки, соответствующие мультимедиа etc;
- геоинформационные системы;
- актуализация в компьютерных визуализациях и играх ландшафта и путешествия;
- бум конструирования виртуальных ландшафтов;
- бум литературы / искусства *fantasy* — выращивание новых миров и пространств;
- растущий интерес к сюжетам локального текста, гения мест etc;
- новые «визуальные дисциплины» — социология, антропология, этнология etc;
- появление и развитие геопоэтики;
- пространственный поворот социогуманитарных дисциплин, «методологическое открытие» пространства / ландшафта;
- растущий интерес к теории и практике невербальной семиотики;
- когнитивная графика, концептуальная пространственная визуальность;
- становление «когнитивных наук» (психологии, лингвистики, социологии etc);
- создание концептуально-визуального языка картоидов (Б.Б.Родоман);
- становление культурологии как дисциплины;
- новые интеллектуальные технологии, где «мощность» человека тесно связана с его включенностью в конкретные места;
- новое уяснение терапевтической ценности ландшафта,
- вытеснение «культурой экрана» «культуры текста»;
- все большая значимость синхронических (и усюмнение диахронических) подходов в гуманитарных дисциплинах и практиках;
- крах или кризис плоско-одномерного эволюционизма и историзма;
- вытеснение линейности во всех смыслах (от текста до одновекторно-линейных моделей истории и развития и т.п.) пространственностью;
- становление междисциплинарной теории классификации (классиологии);
- уяснения наличия четырех принципиально различных типов множеств: разделительные — собирательные — популяривные — вещественные (С.В. Чебанов);
- выявление самостоятельности районирования относительно классификации;
- установление для многих многообразий прямой связи объема и содержания понятия;
- культурная и методологическая реабилитация и витализация всех четырех аристотелевых причин;
- становление учения о времени как многомерном полиморфном полимасштабном многообразии;
- становление (восстановление) биоцентризма и витацентризма,
- бум «гео-наук» — геополитики, геоэкономики, геокulturологии, становление геопоэтики, геософии; начало геогерменевтики, геосемиотики (и семиотика пространства), геориторики;
- развитие пространственной экономики и социологии пространства etc;
- формирование теоретической географии,
- формирование общей и географической лимологии,
- растущий интерес к маргинальности,
- *Border studies*
- обобщение представление о тексте, семиотических системах и средствах,
- осознание / открытие культурного ландшафте в науке и культуре.

Все это «выйдет на поверхность» культуры, станет фоном самосознания культурной среды и актом культурной рефлексии, когда и если когда ландшафт манифестирует себя культурно — и одновременно культура манифестирует себя ландшафтно, признаков чего пока немного. Однако

они все же есть — так, налицо бум исследований ландшафта во многих разнообразных дисциплинах (хотя единое поле постижения ландшафта не сформировалось) или аналогичный интерес к перемещениям / движениям / путешествиям. Не исключено, что первый шаг в культурном признании ландшафта — стремительное распространение т.н. «ландшафтных работ», пока еще только в виде ландшафтного дизайна охватывающих лишь небольшие землевладения (по крайней мере, в нашей стране — напр. журнал «Ландшафтный дизайн»).

Ландшафт — пока не осознаваясь как таковой — становится все более ценным культурно, социально, персонально, аксиологически, дискурсивно, терапевтически, технологически, экономически, коммуникативно, когнитивно, методологически etc. Все перечисленные тенденции носят выражено избирательный (даже аристократический) характер, ориентируясь на невозможность одномерно-линейного выравнивания мест, людей, благ, ресурсов, технологий и знаний — но и собственно ландшафт отвечает не демократизму=равенству, но органическому неравенству мест.

Ландшафт постмодерна: активная форма

Новый ландшафт будет парциальным, будет иметь сложную полисетевую форму; это будет ландшафт меньшинств (миноритарных групп и сред), где *не будет доминирующих* (мажоритарных) *компонентов*. Все симптомы этого уже налицо, явлены, даны — но пока не осознаны. Рассмотрю их подробнее.

Парциальный ландшафт — сложный комплекс ландшафтов, составляющих постмодерный социум групп. Частные — именно парциальные — пространства будут всеобъемлющими. *Свои собственные ландшафтные пространства будут иметь самые разные, может быть любые группы* — этнические (хотя характер и презентации этничности и самой этничности быстро и существенно меняется), культурные, социальные, социопрофессиональные etc. В точном смысле не стоит утверждать, что это будут группы меньшинств (миноритарные группы), поскольку *в постмодерне само различие «большинство — меньшинство» не только обесценивается, но и бессмысливается*. Явно идет и вторичная территориализация практически всех групп (хотя остаются и мигрирующие, и экстерриториальные группы), вторичное «приземление» за счет как совместности, так и формирования «пригнанных» к этим группам культурных ландшафтов. Расселение в некоторых мировых городах — наиболее известен Нью-Йорк — уже являет сложную коалицию локализованных (по преимуществу) групп (меньшинств в старом смысле), структурирующих пространство одновременно на основе совместности и своих собственных требований к среде. Очевидным следствием для ландшафта будет его полицентричность, причем сами центры будут разнотипными, разнофункциональными и специализированными; очевидно, что институциональные (административно-государственные), индустриально-производственные, логистические, финансовые, инновационно-креативные, культурные, образовательные и т.д. и т.п. центры могут быть разными (пример чего уже дает пространство Северной Америки).

Доминирующих групп (групп большинства, мажоритарных) и основанных на доминировании привычных нам универсальных, сквозных районов практически *уже не остается*. Это будет — уже начинается — *пространство автономных районирований, взаимопроницающих друг друга*. Не одна-единственная универсальная сеть районирования — сетка и клетка для всех групп, а сложное, пока не очень понятное множество частных, переплетенных сетей районов отдельных групп. Непривычно — несомненно; потенциально конфликтно — да, разумеется. Это тем более важно потому, что большинство как категория, феномен и особенно аргумент — максимально явленное в конце эпохи модерна — исчерпывается и преодолевается. Экспансирующая субкультура политкорректности при всей ее агрессивности показывает нам опережающую карикатуру на «социум без большинства» как феномена и позиции. Каким образом будут взаимодействовать эти группы меньшинств при отсутствии общего ценностного поля и самой иерархии ценности — покажет время... Можно только надеяться на **контрактно-компромиссные стратегии совместности...**

Но не будет ли это пространство, во-первых, клочкообразным, фрагментированным, разорванным, и, во-вторых, существенно сегрегированным. По-видимому, первое нет, хотя второе уже налицо — нарастает спонтанная добровольная сегрегация социокультурных групп — причем групп, что существенно, новых, а не традиционных (напр., программисты и сексуальные меньшинства хотят и начинают жить территориально совместно, обособливаясь от иных групп; примеров много). *Если общее пространство соткано частными пространствами и притом является единым — то реализовать эти требования совместно (они кажутся несовместимыми) можно лишь одним-единственным образом. Каждое из пространств будет сетевым, нетравмирующе пронизывающим все иные, также сетевые пространства. Пространство взаимопронизывающих частных сетей — **полисеть**.*

Это будет не конфликтным соседством разностильных элементов. Напротив, само пространство полноценного культурного ландшафта предполагает сосуществование многих разнородных, трудносовместимых с невозможностью прямого соседства компонентов (напр. производственная зона и природный заповедник, приречная дюна и заболоченная пойма), но только если, во-первых, каждый из них имеет собственное пространство, и, во-вторых, наличествуют широкие спектры переходных зон. Такое возможно, если только это пространство *не ареал, а автономная сеть с наросшей на нее плотью мест*. Именно такие пространства отечественной теоретической географией хорошо изучены, описаны и концептуально-визуально выпукло представлены — *картоиды* Б.Б. Родомана⁹. Сети содержат автономные пространства, сами же сети сложным образом переплетаются, составляя новую композицию ландшафта, **ковёр ландшафтов**. Если непрерывные целостные массивы природного ландшафта и урбанизированной среды совмещаются на каждой территории при минимуме пересечений в «поляризованном ландшафте» Б.Б. Родомана (двойственные сети), то, что мешает представить такую многомерную конструкцию для не менее сегрегированных, но уже социокультурных групп?

Реализация стратегий совместной сегрегированности потребует очень много идей и огромные усилия проектного ремесла. Сама конструкция автономных взаимопронизывающих сетей (малые страны Персидского залива уже организуют свое пространство для разделения потоков и локусов коренного населения, иностранных рабочих и пассажиров транзитных аэропортов) — мощный вызов и стимул для творчества...

Постмодерн и ландшафт России

Что же всё это значит для ландшафта России?

Острая, даже острейшая — но крайне мало осознанная — нужда в ревитализации, местами — просто «реанимации» культурного ландшафта на всей территории России / Северной Евразии в целом (во всей глубине и полноте данная лишь крайне немногочисленной разрозненной подлинной элите) несомненна: *нельзя полноценно жить в руинах советского пространства...* Нельзя (полноценно) жить и в коммерциализированно-гламурной упаковке этих руин... Но если эта острая нужда примет (уже всю принимает) форму исключительно реставрации и музеефикации, где ландшафт видится и трактуется исключительно вместилищем «природных и историко-культурных памятников», объектов природного и культурного наследия, даже сакральных мест, лишь среда, фон для них, обеспечивающий ресурс, то она окажется в целом культурно нерелевантной. Это неадекватная, охранительно-реакционная стратегия, тогда как более осмысленной представляется **консервативно-креативная стратегия**. Сказанное не означает, что нужно утратить шедевры и ценную рядовую городскую среду (сельский ландшафт в основном уже утрачен¹⁰) — отнюдь нет; равно нужно и развертывание огромной сети особо охраняемых территорий всех типов. Экологи-

9. Родоман Б.Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. — Смоленск: Ойкумена. 1999.

10. Такова тяга интеллигенции на «Русский Север», где этот ландшафт местами сохранен — но эта тяга осознается как «светское паломничество» к природному ландшафту или руинам культурного ландшафта; сейчас это «паломничество» вливается в паломничество без кавычек.

ческая специализация — огромный, исторически чуть не последний шанс для России¹¹, это еще и ответ на вызов постмодерна, в тривиальной частности — постиндустриальной эпохи.

Новая эпоха требует ландшафтного творчества в неслыханных размерах — на всем пространстве ландшафта, культурно, а со временем и социально позволяя каждой группе творить собственный ландшафт, создавать собственные места, выращивать частные неуниверсальные системы мест, выстраивать свое парциальное сетевое пространство. *Полнота и полноценность реализации культурной матрицы постмодерна означает именно то, что атрибутивно для культурного ландшафта — его всюдность и сплошность.* Требуется «очень много» нового ландшафта при полной открытости и ненормативности этой новизны, хотя частной реализацией этой установки, несомненно, окажется и музеефицирующе-консервирующее сбережение телесных реликтов и даже руин, в которых для отдельных ныне влиятельных групп только и существует культурный ландшафт. (Радикальный пересмотр культурного статуса «музей» в постмодерне несомненен, но это особая тема. Для ландшафта бы стоило думать о парадоксальной витализирующе-креативной музеефикации).

Мало какая страна имеет для сотворения нового ландшафта вволю места. Дело отнюдь не только в физических размерах территории — ее вдалеке и в таких новых все еще осваиваемых странах как Австралия и Канада (как и малонаселенной Намибии), хотя и совершенно не ясно, как быть с ландшафтом аборигенов, ведь постмодерн явно проблематизирует такую базисную категорию Нового времени как «большинство», и не будет иметь никакого значения вопрос — кого же больше на этой территории. Дело в том, что в России налицо огромные массивы некогда **культурно-освоенной, но ныне разреженной территории с гибнущим культурным ландшафтом**, очень много забрасываемого культурного ландшафта со значительными «прорехами»; массовое зарастание бывших сельскохозяйственных угодий лесами и гибель сельской местности — только симптом. Это преимущественно **Внутренняя Периферия** — чуть ли не половина Европейской России; начинается эта зона уже с Дальнего Подмосквья¹².

При снижении численности населения России, его продолжающейся концентрации (по крайней мере — на уровне страны в целом, ее больших частей и подавляющего большинства регионов и «экономических микрорайонов») и стремительности забрасывания значительных массивов некогда освоенной сельской местности (началась стагнация и забрасывание и малых городов) *в стране высвобождается множество мест для нового ландшафта* — нашлись бы только активные креативные группы; новое освоение зоны уже началось, хотя еще малозаметно, поскольку немасово. Ну где еще на нашей планете в сотне километров, двух часах езды от полумиллионной или даже миллионной городской агломерации (иногда на основе старого города) небольшая активная (и располагающая иными ресурсами) группа может взять под социальный, экономический, культурный и эстетический контроль территорию размером в небольшую европейскую страну? Таково, например, Левобережье Волги в районе Нижнего Новгорода и ниже, пространство между Московской и Петербургской агломерациями, большая часть Смоленской, Тверской, Псковской, Новгородской областей и др. — эта зона огромна. Это некогда освоенная во всех смыслах территория, что была полноценным культурным ландшафтом, а ныне приходит в запустение... *Творческое же осуществление этого контроля разными группами в разных местах одновременно и означало бы санацию, комплексную социальную и даже экономическую ревитализацию культурного ландшафта.* Ведь постмодерн по смыслу — в отличие от модерна — для ландшафтного творчества (как и для любого иного) нуждается в богатой основе, в уже данном ландшафте, пусть и в форме руин и реликтов — а не в чистом листе.

Это и будет осуществлением новой эпохи во всей ее полноте...

11. Родоман Б.Б. Экологическая специализация России в глобализирующемся мире // *Общественные науки и современность*. 2006, № 2.

12. Каганский В.Л. Внутренняя периферия — новая растущая зона культурного ландшафта России // *Изв. РАН, сер. Географ.*, 2012, № 6; сокращенная версия — *Запустение в сердце России* // <http://www.russ.ru/mirovaya-povestka/strategicheskaya-povestka2>.

Постмодерн и учение о ландшафте (география, и не только)

Цивилизация Нового времени — общее место — цивилизация времени, цивилизация временная, хроноцентричная, темпоральная, даже топофобная. Таковы отнюдь не все культуры и эпохи. По-видимому, *надвигающаяся является радикально иной, хроноцентричной...* Она будет культурой (цивилизацией? — да не будет ли в ней и ей снято эта дихотомия и периодизация?), реабилитирующей пространство; точнее — **пространстве в модусе ландшафта**. Приведенные характеристики постмодерна подтверждают этот радикальный тезис.

Отношения «ближе — дальше», соседство, удаленность и близость, расстояние, совместность, пересечение (наличие общих частей), пограничность, вообще ландшафтное положение, масштабирование, полимасштабность, маршрутность и полимаршрутность etc не подменяют и не заменяют отношение линейной временной последовательности (временной мономаршрутности) — они его оттеснят и уже оттесняют на второй план¹³. Но само это реабилитируемое пространство будет иным, нежели культурное пространство постренессансной цивилизации; по крайней мере, *пространственные идеалы модерна и постмодерна резко разнятся*.

Но как же быть с тезисом — «цивилизация Нового времени уже была пространственной»? Во-первых, она была пространственной лишь в том отношении, что она не была ландшафтной, была пространственной лишь относительно ландшафта. И, во-вторых, она была не пространственной, а *непространственной в соотношении со временем*, в этом модерн был цивилизацией чудовищно упрощенного времени. Да и само это пространство было несамостоятельным, это было пространство-время, и время уподоблялось пространству (связка сама по себе — яркий и явный продукт мышления модерна), пространство-вместилище, пространство-фон, пространство-ресурс. Цивилизация модерна обращалась к пространству исключительно в силу необходимости, необходимости крайней, когда иного выхода и иного ресурса уже не было; пространство же при этом понималось экстенсивно, как последний ресурс, как безвозвратно разрушаемая периферия цивилизации (пример чему — геополитика).

Реабилитируемое пространство в эпоху постмодерна — это иное пространство. Это скорее **пространство взаимодействующих качественно специфичных мест общей сплошной неразрывной полимасштабной полисетевой ландшафтной ткани вплоть до уникальности мест** — а не пространство атомов (их различия все же в пределе сводимы к количественным параметрам) и пустоты, хотя бы и пронизанной силовыми линиями, физическими или социальными.

Но что это все значит для темы «ландшафт и география» — не более и не менее, нежели огромный *шанс* для географии, шанс скорее культурный, нежели узко и собственно методологический. **Культурная реабилитация такого пространства, которое есть по существу и в принципе пространство ландшафтное — это возможность культурной реабилитации географии...** При этом географии неотрадиционной, творчески-консервативной, центрированной не просто по пространству, а по ландшафту, в том числе и особенно его культурному измерению. Для меня как теоретико-географа «российского разлива», география центрирована именно по ландшафту и учению о ландшафте. География оказалось рефугиумом качественного пространства, места, ландшафта, топоса, практической топофилии, периферийным запущенным заповедников, почти уже отреклась от своего наследия — но все же...

Означает это и шанс создания широкого междисциплинарного поля с более значительной, нежели сейчас (ничтожно малой), ролью географии.

Жизнь — ландшафт — искусство

В эпоху постмодерна само понятие искусства претерпевает изменение. Мало сказать — изменения... Одно уже можно сказать с полной определенностью — ландшафт займет куда более важное место в искусстве надвигающейся эпохи, скромным примером чему — упомянутый лэнд-арт.

13. Так, районирование — учение о систематизации пространства — станет столь же важно, сколь периодизация или систематика, а учение о центрах, границах и сетях станет столь же культурно и методологически ценно, как систематика и/или представление о ключевых и переходных эпохах или «естественных классификациях».

Отношение совместности, конституирующее и пространство, и ландшафт — а не временной последовательности — будет все более эстетизировано; говоря лингвистически, синтагматика сильно потеснит парадигматику.

Ландшафт постмодерна двояко соотносится с искусством.

Во-первых, ландшафт сам будет одним из новых предметов или сфер искусства, сюжетов, тематизмов. *Новое явление, охваченное новым искусством.* Кстати говоря, живопись соответствующей тематики, предмета, аксиологии (пейзаж, отчасти натюрморт) и сама ландшафтная архитектура работала с несетевыми пространствами — ареально-кусочными — монтаж фрагментов (часто на плоскости), исходя из задаваемого проекцией (перспективой) единства. Сетей там не было и нет.

Во-вторых, в силу явной для постмодерна тотальности эстетического, ландшафт уже становится одним из тотально эстетизируемых предметов искусства. *Ландшафт как таковой, весь, целиком становится произведением искусства...* Налицо **тотальная инверсия**. Произведение искусства было лишь особой частной данностью, эстетизированным фрагментом жизни, крошечным локальным артефактом внутри огромной обволакивающей его жизни / культуры... Ныне же сама **человеческая жизнь / культура начинает протекать внутри произведения искусства — ландшафта**. Художественный текст был частью жизни; но сама жизнь — это лишь часть ландшафта. Различие ландшафта и романа, картины, вообще текста в этом аспекте разительны. Новая эстетика? Эстетическое нормирование ландшафта? Более того, эстетическое генерирование ландшафта? Но, учитывая плюрализм и полиморфизм обществ постмодерна, все это во множественном числе?

* * *

Эпохи не выбирают. Жить на переломе эпох — трюизм — трудно. Неизбежное следует принять? — этого мало, встретить творчески. Вызов музы истории Клио должна принять муза Нэта — муза подлунного мира. Ландшафта...

Автор считает приятной обязанностью выразить благодарность С.В. Чебанову за обсуждения сюжета на протяжении трех десятилетий

Я действительно веду путешествия в терминологически точном, строгом и узком смысле (не туристские, но с элементами туристической техники и оснащения)

профессиональные познавательные (но не экспедиции, не учебные, не «сбор материала»)

то есть с открытыми интерпретациями, «без задачи»,

не для сбора «материала

путешествия теоретика — одновременно шествую в концептуальном и земном мире

генерируя эвристики и концепции

практически в одиночку (бывает опасно)

на свой страх и риск

по давно отработанной хорошо осознанной очень сложной и трудной технике

по своей программе (не внешнему «заданию»): главное — репрезентативность всей серии мест,

а не экзотика

опираясь на значительный аппарат интерпретации видимого

кое-что зная и заранее, но не попадая в плен клише

иногда многогранно и тоже профессионально общаясь

много пешком

подробно веду дневник

Требует много сил и огромной мобилизации

и сейчас заканчиваю книгу ПУТЕШЕСТВИЯ ТЕОРЕТИКА